

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИНОМ МИРЕ

Конец XXI века. Пекин, частные апартаменты

— Юй, ну почему ты так зачитываешься этими романами?

Юноша, которого назвали этим именем, лишь кротко улыбнулся, не спеша с ответом. Он и сам толком не знал: то ли в этом мире ему не хватало искренности, то ли реальность была слишком сурова, вынуждая его искать спасения в вымышленных вселенных.

— Я могу исполнить твоё желание.

Юй на мгновение замер и внимательно посмотрел на собеседника. Он снова улыбнулся.

— Ты ведь не настоящий Юэ, верно?

— Надо же, как быстро ты меня раскусил! — словно по волшебству, облик Юэ начал меняться. Перед ним предстал прекрасный юноша лет семнадцати-восемнадцати. — Меня зовут Нос. Я — Бог.

Даже самый убежденный материалист, узрев подобную метаморфозу, едва ли усомнился бы в божественном происхождении гостя. Что уж говорить о Юе, который давно привык принимать вещи такими, какие они есть.

— И как ты догадался, что я не Лин Юэ?

— Он никогда не проявлял ко мне такого сочувствия, — просто ответил юноша.

Голос его звучал ровно, без тени эмоций, а сам он вежливо полуулыбался, но Нос почувствовал, как от этих слов повеяло беспросветной печалью. Бог хотел было утешить его, но, ощутив чье-то приближение, поспешно сменил тему.

— Сюда кто-то идет. Придется исполнить твоё желание прямо сейчас!

— Мое желание? Но я даже не... — не договорил он.

Вокруг Юя вспыхнуло ослепительное белое сияние. Оно окутало его ласковым теплом, и сознание начало медленно угасать, погружаясь в вязкую дремоту.

«Надеюсь, ты обрешь своё счастье, мой дорогой брат».

Государство Цзинь. Чжунду, Поместье князя Чжао

— Поздравляю, князь! У вас родился сын, маленький наследник!

Едва Юй пришел в себя, как эти слова достигли его слуха. Обладая чрезмерно чувствительной нервной системой, он мгновенно осознал: его куда-то несут, мерно покачивая на руках. Еще не открыв глаз, юноша понял, что прежнего Лин Юя больше нет — он переродился. Впрочем, это было к лучшему: отличная возможность начать всё с чистого листа.

Приняв это решение, он издал положенный младенцу крик и медленно открыл глаза, слабо улыбувшись. Судя по одеждам окружающих, он попал не к ханьцам, но к какому именно народу — сказать было трудно. Бегло осмотревшись, юноша перевел взгляд на человека, державшего его. Перед ним стоял статный, красивый мужчина лет двадцати. Сомнений не оставалось: перед ним князь, его нынешний отец.

В прошлой жизни Юй был отстраненным, он ни на грош не доверял чувствам и сознательно держал дистанцию со всеми, кроме, пожалуй, самых близких родственников. Стоит ли теперь, решив начать заново, отвергать предложенную любовь? Своим первым искренним взглядом младенец одарил новообращенного отца.

Князь осторожно подошел к кровати, где лежала хрупкая женщина. Несмотря на бледность, она была неопишимо красива. В прежней жизни Лин Юй из-за своего положения видел немало красавиц, но ни одна из них не могла сравниться с той, что была перед ним.

— Сижо, посмотри, наш Кан-эр такой послушный.

Нежный, преисполненный ласки голос заставил младенца внутренне содрогнуться. Он отчетливо помнил всё, что произошло перед смертью, и догадывался, что попал в вымышленный мир. Но когда эти имена — князь, Сижо, Кан-эр — сложились в единую картину, его пронзило осознание.

«Легенда о героях, стреляющих в орлов»! Перед ним были Ваньянь Хунле и Бао Сижо. А он сам — Ваньянь Кан, тот самый человек, которому суждено бесславно погибнуть в Храме Железного Копья.

Впрочем, первое потрясение быстро сменилось спокойным принятием. Юй всегда симпатизировал Ваньянь Кану, считая его персонажем глубоким и живым. Он не был воплощением зла, просто у каждого была своя правда. Разве можно винить человека за то, что любовь воспитателя стала ему дороже зова крови? Размышляя о печальном финале своего предшественника, юноша лишь мысленно усмехнулся. Девятнадцать лет жизни — этого вполне достаточно.

Жизнь младенца скучна, но именно это давало ему время для раздумий. За четыре месяца он получил столько родительской любви, сколько не видел за все девятнадцать лет в Пекине.

Ваньянь Хунле, несмотря на статус и государственные дела, каждый день находил время, чтобы поиграть с сыном. Его преданность невозможно было описать словами.

— Отец... — пролепетал ребенок. Слова, хоть и звучали не совсем внятно, были произнесены без тени сомнения.

В этот миг он окончательно признал этого человека своим родителем. Что бы ни приготовило будущее, даже если впереди его ждала бездна, Ваньянь Хунле навсегда останется его отцом.

Князь на мгновение замер, оглушенный услышанным, а затем вскричал с восторгом и неверием:

— Кан-эр, повтори! Еще раз!

Малыш, довольный произведенным эффектом, искренне улыбнулся:

— Отец!

Убедившись, что ему не послышалось, Ваньянь Хунле подхватил сына и поспешил на задний двор, к трем небольшим хижинам с черепичными крышами и белыми стенами. Глядя на этот порыв, мальчик подумал, что хотя в древности люди и взрослели рано, отцу сейчас было немногим больше, чем ему самому в прошлой жизни. В современном мире он считался бы всего лишь студентом.

Ваньянь Кан бывал здесь редко. Во-первых, мать переехала сюда меньше месяца назад, а во-вторых, после каждого посещения он начинал прихварывать, из-за чего визиты пришлось сократить. Хижины в поместье были лишь копией тех, что остались в деревне Ньюцяцунь, — не всё еще успели перевезти из Линьяня.

Когда они вошли, Бао Сижо сидела на старом стуле. Тень глубокой скорби на ее лице заставляла сердце сжиматься. Увидев это, Ваньянь Кан на миг посерьезнел, но тут же спрятал эмоции за широкой улыбкой:

— Мама! — звонко позвал он.

Бао Сижо мгновенно очнулась от своих печальных дум и с изумлением взглянула на сына в руках мужа:

— Кан-эр?

— Мама! — на этот раз в его голосе звучала неподдельная радость.

Женщина замерла, не в силах вымолвить ни слова, и лишь спустя долгое время осторожно приняла ребенка.

— Кан-эр, какой ты у меня умный, какой послушный... — шептала она, ласково баюкая его.

Под это нежное воркование младенец вскоре уснул, счастливо улыбаясь.

С того дня, как Ваньянь Кан заговорил, он не переставал удивлять окружающих своей сообразительностью. Мальчик схватывал сложнейшие знания на лету, задавал глубокие вопросы и предлагал такие суждения, что диву давались даже мудрецы. Родители, и без того души в нем не чаявшие, начали баловать его сверх всякой меры.

Конечно, для человека с памятью взрослого и острым умом такие успехи были закономерны. Юный Ваньянь Кан занимался науками с поразительным усердием, считая это своим долгом.

За два года он перечитал почти всю библиотеку поместья князя Чжао. Книги охватывали самые разные области знаний, но Ваньянь Кану этого казалось мало. Однажды он без доклада вошел в кабинет отца — к нему давно привыкли и перестали объявлять о его приходах.

Осмотревшись и не застав Ваньянь Хунле, мальчик взобрался на стул, прихватив с собой трактат по военному искусству. На столе он заметил развернутый лист бумаги — судя по всему, это была тема для экзамена или важный государственный вопрос.

«Похоже на задачу по текущей политике...» — подумал он. Разве в Цзинь уже ввели систему кэцзюй?

Недолго думая, он взял кисть и быстро набросал ответ.

«Если мое появление вызовет эффект бабочки, то я прошу лишь об одном: пусть государство Цзинь не падет слишком рано, пусть мой отец живет долго, а мать будет вечно счастлива».

<http://bllate.org/book/17543/1700199>